

так питаемся подле море Черное“. Перед нами две антитезы: внешняя, сюжетно-тематическая—огромные рати „прегордых варваров“ и „малое“, но „молодецкое“ казачество, уповающее к тому же на помощь „бога небесного“, и антитеза скрытая, внутренняя, раскрывающаяся через внешнюю, через переговоры турок с казаками, — это казаки, беглые холопы, с одной стороны, и извечный домашний, классовый враг — „бояре и дворяне государевы“ — с другой.

Но и в самом отношении Войска к Москве заметно резкое противоречие. С одной стороны, вражда к правящим классам, с другой — прославление государства в целом и наивная идеализация царя Михаила. Казаки отбегают из боярского „холопства невольного“, но и в повести и в отписках¹ называют себя „природными холопами“ государя и в то же время людьми „вольными“, которые охраняют „украины“ государства и ведут борьбу с турецкими завоевателями² как борьбу за „веру христианскую“. В одной из отписок, например, они передают свой ответ крымскому хану на предложение сдать Азов: „Ради мы с вами битись и пострадати и стояти за свою истинную православную христианскую веру...“³

Охрана южных границ Войском Донским, считалась ее „службой государю“. Войско отчитывалось только перед царем, сносилось с ним через Посольский приказ как иностранное государство,⁴ получало от него привилегии в торговле и, главное, признание „права не выдавать бежавших на Дон“.⁵

Недавний „холоп“, „отбежав“ на Дон и заслужив там доверие Войска, мог приехать в Москву в составе „станицы“, принимался чуть ли не как посол в Кремлевском дворце и спокойно подходил к царской руке и садился за стол на глазах, может быть, своего бывшего хозяина-боярина. И если хозяин снова пытался его „похолопить“, то казак просил защиты прямо у царя, и тогда в ответ на встречное „челобитье“ боярина государем бывало боярину „отказано для того, что николи донские казаки челобитчикам не отдаваны“.⁶

Все эти исторически сложившиеся условия способствовали развитию в идеологии казачества первой половины XVII в. того „наивного монархизма“,⁷ исконной крестьянской веры в „царя батюшку“, ⁸ которые были определены В. И. Лениным. Казаки были „плоть, взятая от плоти Московского государства, выросшие до побега на Дон среди

¹ Донские дела, кн. III, стб. 41.

² Н. А. Смирнов, ук. соч., т. I, стр. 5—7, 17—21.

³ Донские дела, кн. II, стр. 121—122.

⁴ Т. Тхоржевский. Донское войско в первой половине семнадцатого века. Русское прошлое, Исторические сборники, № 3, Пгр.—М., 1928, стр. 16—25 и др.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 47.

⁶ Там же, стр. 3, прим. 7.— Донские дела, кн. I, стр. 555—560.

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 9 стр. 80.

⁸ Там же, т. 8, стр. 91.